

посланы. Также, что для осторожностей и уведомления к господам фелтмаршалом и х киевскому губернатору от них писано, и как по предшествующим конференциям и опасностям, и страхом мирной трактат постановлен на мере. И по тому, как они, послы, позваны были в великий царственной Диван и как потом розменились с крайнем везирем Али-пашею мирными трактаты и с кем оные к его царскому величеству посланы, и после того какие доношения чинены и с кем курьером. Также был въезд посла Бестужева-Рюмина и какою встречею, и как они, послы, у салтана и у везира были для подания царскому величеству грамот и подтвержденной и для принятия его салтанской ратификации на трактат и грамот к царскому величеству. И после того как поехали паки в Царьград и что тамо чинилось по отъезду их ис Царяграда в Россию, то все писано в сем статейном списке имянно ниже сего» [5, л. 4–4 об.]. Таким образом становится очевидно, что в отчетном документе предполагалось последовательное описание деятельности русских послов при Высокой Порте в 1713 и 1714 г. В том числе перечислены основные события 1713 г.: дорога послов в Адрианополь, переговоры с османскими министрами по поводу заключения мирного договора, прибытие посла Д. А. Бестужева-Рюмина с царской ратификационной грамотой, вручение грамоты Петра I, а затем аудиенция у султана Ахмеда III и возвращение в Стамбул. Упомянутые в последней фразе «заголовка» события вошли в статейный список 1714 г.

Статьейные списки петровских дипломатов при Высокой Порте являются важнейшими источниками для изучения истории русско-турецких отношений и востребованы историками. Современный анализ статейных списков невозможен без изучения изменения формуляра, обстоятельств и приемов их составления.

1. Арунова, М. Р. Османская империя в начале XVIII в. и ее описание П. А. Толстым / М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова // Русский посол в Стамбуле: Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / сост.: М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова. – М.: Наука, 1985. – 161 с.
2. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статьейные списки П. П. Шафировой и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг.: (Исследование и тексты) / Т. А. Базарова. – Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.
3. Базарова, Т. А. Статьейные списки российского посла в Стамбуле П. А. Толстого: история создания и архивная судьба / Т. А. Базарова // Новое прошлое. – 2020. – № 2. – С. 28–43.
4. Крылова, Т. К. Статьейные списки петровских дипломатов (1700–1714 гг.) / Т. К. Крылова // Проблемы источниковедения. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – Сб. 9. – С. 163–181.
5. Научно-исторический архив СПбИИ РАН (Архив СПбИИ РАН). – Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1.
6. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8.
7. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 83. Оп. 3. Кн. 11.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 158. Оп. 2. Д. 117.
9. Hennings, J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725 / J. Hennings. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 297 p.

Редин Д. А.

ЧАСТНАЯ И ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИСТОРИИ ПЕТРОВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ¹

Любое историческое исследование ставит перед специалистом вопрос формирования источниковой базы, в том числе – её расширения. В этом смысле не является исключением и история государственного управления в России эпохи петровских реформ. Можно возразить, что этот период развития России оставил после себя такой источниковый массив, что впору сетовать не на недостаток источников, а на их избыток. Но это на первый взгляд. Ведь вопрос заключается в том, что именно понимать под историей государственного управления? Её институциональную составляющую: учреждения, штаты, сферу компетенции государственных органов, источники их финансирования, организацию документационного обеспечения управления, его (управления) эффективность и прочие, несомненно важные вещи, или что-то еще?

Мне не раз доводилось писать, что на современном этапе изучения административной истории России это «что-то еще» оказывается не менее значимым, чем институциональная ипостась управления. Речь идет о её «антропологической» составляющей, реконструкция и понимание которой помогает нам лучше понять смысл и характер институциональной стороны процесса, претендовать на максимальную полноту картины изучаемого феномена.

История людей власти, история их идей и действий по реализации властных полномочий, их политической воли, мотивации принятия решений, презентации и репрезентации себя в качестве носителей власти, влияние черт характера и человеческих слабостей на способы и стиль руковод-

¹ Доклад подготовлен в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020–0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

ства и т. п. помогают получить новое знание, расширить наши представления об особенностях организации и функционирования властных институтов.

Всё это становится особенно ясным, если говорить о госуправлении в России раннего Нового времени, когда неформальные начала, значение неформальных сетей доверия и, в частности, патрон-клиентских отношений, оставались, зачастую, более весомыми в «механике» власти, нежели нормативно-законодательное регулирование со своим массивом указов, регламентов и инструкций.

Для того же, чтобы раскрыть эту, отнюдь не афишировавшую себя сторону управленческого процесса, необходимы соответствующие источники. Немалый информационный потенциал такого рода, конечно, содержится и в официальной делопроизводственной документации эпохи [10], но в наиболее концентрированном виде он присутствует в источниках, которые можно отнести к категориально слабо еще проясненной группе эго-документов.

Дискуссия о том, что является эго-документами (или эго-источниками), насколько это понятие соотносится с традиционным для отечественного источниковедения понятием «источники личного происхождения», правомерно ли вообще оперировать термином «эго-документы», особенно применительно к источникам Нового времени, не закончена у нас и поныне. Солидаризируясь с М. Ф. Румянцевой, заметившей, что понятие эго-источников «пока не вошло в систему видовой классификации», я хотел бы акцентировать внимание на другой мысли того же автора: эго-источниками (или, по её представлению, источниками по эго-истории) могут считаться те, «в которых акцент делается на выстраивании идентичности через отрефлексированное... соотношение себя /своей жизни с историей, пусть и не с глобальной историей, но хотя бы с историей локального социума...» [12, с. 34, 37]. Этот взгляд не противоречит определению, данному эго-источнику (эго-документу) Ю. Л. Троицким: «Под эго-документом понимается такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. Телеология эго-документов может быть описана эгоцентрической формулой: “я-в-мире”» [13, с. 14].

Наиболее массовым источником, отвечающим вышеприведенным определениям, оказывается в нашем случае частная переписка, особенно, начиная с XVII в. Подробный анализ источниковедческих характеристик русской частной переписки этого времени дан в новейшем обстоятельном труде О. В. Новохатко [4], хотя те или иные особенности частного письма в России как исторического и лингвистического источника, исследовались и раньше как историками, так и филологами [например: 1, 2, 3, 5]. Петровская эпоха не менее богата на источники этого рода. Можно даже сказать, что она дала новый импульс частной переписке, что было обусловлено как общей интенсификацией информационного обмена посредством письма, расширением сферы непубличной коммуникации, особенно в элитных группах населения, так и той более эмансипированной, по сравнению с XVII в., стилистике общения, сформировавшейся в окружении царя и концентрически распространившейся на клиентские сообщества, возникшие вокруг его конфидентов.

В специальной литературе частную переписку как правило отождествляют с личной, фактически ставя между ними знак равенства [1, с. 258–272; 2, с. 107–116; 4, с. 5, 7–9]. В позапрошлом году я высказал сомнения в справедливости такой трактовки, предложив рассматривать первую родственной, но не тождественной второй [10, с. 120–124]. Роднит их (и отличает от официальной переписки) тот факт, что частное и личное письмо идут от индивида к индивиду, минуя государственные, официальные структуры. Тонкой гранью, разделяющей частную и личную переписку, можно, на мой взгляд, считать, прежде всего, критерии *функционального назначения (по содержанию текстов) и статусных характеристик контрагентов письма*¹. Эти критерии учитывают обстоятельства происхождения, формы, способа кодировки информации и социальной функции источника как интеллектуального продукта. В частном письме основной текст или его значительная часть посвящены вопросам служебного характера, а контрагенты такой переписки – лица, занимающие официальные позиции. В личном письме основной текст или его значительная часть посвящены семейным, дружеским, бытовым сюжетам, а формально-статусные характеристики контрагентов вторичны, хотя полностью не редуцированы. В личных письмах социальная иерархия (если таковая присутствует) принимает свой «первичный» вид: старшие – младшие в иерархии родства, патроны – клиенты в рамках неформальных сообществ и т. п. Иногда в подобного рода переписке формально более высокий контрагент позиционирует себя ровней с формально нижестоящим, чего, разумеется, никоим образом невозможно наблюдать ни в частной, ни тем более в официальной переписке. Вот любопытный пример такого рода, иллюстрирующий разницу в статусном позиционировании адресанта и адресата в зависимости от характера вопросов, решаемых в личной и частной переписке. Оба письма с разницей в 1 день (8 и 9 января) написаны в 1713 г. Санкт-петербургским вице-губернатором Я. Н. Римским-Корсаковым копорскому коменданту Д. Т. Оничкову.

¹ В силу ограниченного объема оставляю в стороне критерии, связанные с формуляром письма.

<p><i>(Личное)</i> Государь мой Дмитрий Тимофеевич! В Копорском уезде у тамошних жителей покупал на меня сено Мирон Шахин да новгородец Никита Ратчинской, о котором уведомились мы подлинно, что ты оно покупное сено велел старосты возить в Гостилицкую мызу неведомо по какому указу. Того ради Вашу милость прошу онаго сена у них отъимать, и отвозить во оную мызу не вели, понеже оно сено собственное мое. <...> [7, л. 254]</p>	<p><i>(Частное)</i> Господин камендант Копорской! Сего числа писал нам господин генерал-лейтенант и обор-камендант Брюс, в котором написано. Поставлены де на квартирах в Скворецкой ево мызе афицерских и драгунских 134 лошади <...> И такое великое число лошадей той мызе мужичонкам... содержать невозможно. Опасен он, чтоб от недостатку фуражу многие лошади з голоду не померли, дабы несколько числом оных... (Л. 256 об.) // лошадей из оной Скворецкой мызы вывезть и роставить по мызам, на которой ни одной... лошади не поставлено [далее – перечень таких мыз и распоряжение удовлетворить просьбу Р. В. Брюса]. [7, л. 256]</p>
---	--

Ценность личной переписки заключается прежде всего в том, что она позволяет максимально глубоко проникнуть в характер взаимоотношений контрагентов за рамками служебной иерархии. Возможно ли предположить на основании официальной информации, что, например, свойственник царя, человек ближайшего петровского круга, обладатель второго по пышности титула после Меншикова – адмирал Ф. М. Апраксин, мог обращаться к уже упоминавшемуся Римскому-Корсакову, несомненно стоявшему ниже него по всем позициям, так, как это видно из нижеследующего личного письма:

Государь мой Яков Никитичь, многии лета здравствуй! Пожалуй, мой государь, прикажи ко мне писать о своем здоровье, а я слышати со усердием желаю. О себе, милости твоей, известие чиню: живу при Санк-Петербурхе Божию милостию в добром здоровье, в надеянии Вашего к себе благодеяния <...> Так же и о пожалованных мне порховских селах и Михайловском погосте Вашей милости прошу, прикажи их охранить, дондеже с тобою увижусь <...> [6, л. 41 об.]

Частное письмо тоже может дать представление о характере и степени неформальных отношений контрагентов, но в нем содержится больше информации о нюансах организации административной системы, таких механизмах её функционирования, которые не всегда заметны в официальной переписке. Вот, например, частное письмо А. Д. Меншикову от углицкого ландрата А. И. Нарышкина от 20 мая 1717 г., из которого можно почерпнуть много конкретных сведений об обстоятельствах его служебных затруднений и о работе ландратской канцелярии вообще:

Милостивый государь, светлейший князь Александр Данилович! Сего апреля в 1 день получил я указ за подписанием собственной Вашей светлости руки, в котором мне повелено быть с переписными книгами в Санкт-Петербурхе в марте месяце. Доношу Вашей светлости: как скоро возможно книги переписныя готовлю, и как изготовлю, в немедленном времени поеду в Санкт-Петербурх. А умедлил оно... для того, что я был болен чрез всю зиму, и за малолюдством подьячих. Зверева подьячева, которой явился здесь апреля в 1 день, спрашивает господин моеор Ушаков к ответствию в рекрут //ных наборах, и по отсылке ево, Зверева, что Ваша светлость укажет? Прошу Вашу светлость: милостивой государь, пожалуй, прикажи мне еще быть для самых моих нужд в Москве сентября до первого числа сего лета. Истинно, милостивой государь, не могу осмотрца своим нуждам! <...> [9, л. 5-5 об.]

Разумеется, нередко, а, может быть даже зачастую, элементы личного и частного письма присутствуют в одном тексте, хотя можно приводить многочисленные примеры исключительно личных писем, вроде нижеследующего, написанного А. Д. Меншиковым П. И. Ягужинскому 13 апреля 1716 г. :

Мой господин и друг! Вашей милости приятнейшее писание из Данциха от 30 марта я получил, за которое Вашей милости, яко моему особливому другу, а особливо за тамошнее уведомление, любително благодарствую и впредь о продолжении онаго прошу, за что всегда Вам отслужить готов. В протчем домашние Ваши за помощь Вышняго в добром здравии, а и я по возможности служить буду и остаюсь. <...> [8, л. 19 об.]

Тем не менее, даже в случае смешения элементов личного и частного, представляется возможным определять разновидность письма по доминирующей теме, основному побудительному мотиву его написания, т. е. на основании критерия функционального назначения, выявляемому в процессе анализа содержания текста. Преимущественно деловые, посвященные поиску неформального решения различных вопросов службы, письма контрагентов, обладавших официальным статусом в государственных и негосударственных административных учреждениях, следует считать частными в самом точном значении этого слова. Именно этот корпус источников совокупно обладает высоким и до сих пор не вполне оцененным потенциалом в исследованиях административной истории, сопоставимым с потенциалом официальной делопроизводственной корреспонденции.

1. Гайнуллина, Н. И. Эволюционные процессы в структуре частного письма в конце XVII – начале XVIII в. / Н. И. Гайнуллина // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. – 2013. – Т. 9. – № 2. – С. 258-271.

2. Котков, С. И. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник / С. И. Котков // Вопросы языкознания. – 1963. – № 6. – С. 107–116.
3. Новохатко, О. В. Частная переписка XVII века (к постановке вопроса) / О. В. Новохатко // PALEOBUREAUCRATICA: сб. статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. – М.: Древлехранилище. – 2012. – С. 246–263.
4. Новохатко, О. В. Россия. Частная переписка XVII века / О. В. Новохатко. – М.: Памятники исторической мысли, 2018. – 663 с.
5. Панкратова, Н. И. Из истории частной переписки на Руси / Н. И. Панкратова // Изучение русского языкового источниковедения. – М.: Наука. – 1969. – С. 127–155.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 198. Оп. 1. Д. 5.
7. РГАДА. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 9.
8. РГАДА. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 54.
9. РГАДА. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 789.
10. Редин, Д. А. «Человеческое» измерение власти, или антропологически ориентированная административная история России раннего Нового времени / Д. А. Редин // Когнитивная история. Концепции – методы – исследовательские практики. – М.: Изд-во РГГУ. – 2011. – С. 261–278.
11. Редин, Д. А. Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления / Д. А. Редин // Новое прошлое. – 2019. – № 3. – С. 116–127.
12. Румянцева, М. Ф. Эго-история и эго-источники: соотношение понятий / М. Ф. Румянцева // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург: Изд-во АсПУр, 2014. – С. 32–40.
13. Троицкий, Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / Ю. Л. Троицкий // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург: Изд-во АсПУр, 2014. – С. 14–31.

Беспятых Ю. Н. ДНЕВНИКИ, ЗАПИСКИ, ПИСЬМА, МЕМУАРЫ ШВЕДСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I (ОБЩИЙ ОБЗОР)¹

На протяжении Северной (в западноевропейской историографической традиции: Великой Северной) войны (1700–1721) на территории России до заключения Ништадтского мирного договора с Швецией отбывали плен многие тысячи офицеров и солдат (надежной статистики нет) армии Карла XII. После неудачной попытки бегства, предпринятой поселёнными в г. Свияжске (ныне российская Республика Татарстан) военнопленными (1711), власти рассредоточили, рассеяли всех сравнительно небольшими группами по городам Сибири, Урала и европейской части государства.

Местные администрации не принуждали к работам офицеров, и они располагали относительной свободой, в том числе свободой передвижения в определенных им пределах. Долгое пребывание в России породило много содержательных документов – дневников, записок, писем, мемуаров, вышедших из-под пера офицеров и плененных же гражданских служащих шведов (и поданных шведской короны немцев) от самых высоких чинов и должностей королевства до низших (прапорщиков в пехоте и корнетов в кавалерии), а затем также обширную научную литературу о судьбах каролинов – воинов Карла XII, главным образом на шведском и немецком языках. Мои усилия учесть всю совокупность изданных (а также подобных обнаруженных, но остающихся в рукописях источников)² и посвященных им трудах исследователей³ едва ли способны когда-либо увенчаться осязаемым успехом.

Пленные оставили неисчислимую массу ценных, во многом уникальных сведений о нашей стране в пору ее становления как великой державы. Их опубликованные в разное время на языках оригиналов тексты, как правило, не сопровождаются комментариями, поскольку мало кто из занимающихся этой темой зарубежных исследователей владеет русским и ориентируется в российских реалиях Петровской эпохи.

Неудивительно поэтому, что истинным событием для заинтересованной научной общности стали две небольшие монографии Г. В. Шебалдиной⁴, основанные на всего нескольких

¹ Доклад подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–09–42038.

² Ссылка невозможна из-за ограниченного объема доклада: она содержит 10 тыс. знаков. В моей копилке число сочинений пребывавших в России пленных офицеров насчитывает много больше полусотни; здесь же вынужденно ограничиваюсь упоминанием о самом крупном издании: Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter (Дневники и другие современные [эпохе] сочинения каролинских воинов (*шведск.*) / Utg. af A. Quennerstedt. Lund, 1901–1918. Del. 1–12. – Электронное издание: <http://runeberg.org/karolikrig/>.

³ Ссылка невозможна из-за ограниченного объема доклада: она содержит (неполный) перечень трудов – еще 10 тыс. знаков.

⁴ Шебалдина Г. В. 1) Шведские военнопленные в Сибири: Первая четверть XVIII века. М., 2005. 210 с.; 2) Заложники Петра I и Карла XII: Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014. 115 с.; см. ее же: 3) Сибирские мемуары каролинов: О своих и чужих // Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 47–68; 4) Шведские военнопленные в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. 2009 (URL: http://irkipedia.ru/content/shvedskie_voennoplennyye_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009. Пагинации нет. Последнее обращение 16. 09. 2019).